

A photograph of the ruins of a Gothic cathedral, likely the Basilica of San Frediano in Lucca, Italy. The image shows the central part of the building, including the large rose window and the flying buttresses. The sky is blue with some clouds, and a bird is flying in the upper right. The text 'Елена Ленёва' is overlaid at the top.

Елена Ленёва

ТОСКАНСКИЙ
ФЬЮЖН

Елена Васильевна Ленёва

Тосканский фьюжн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57451692

SelfPub; 2023

Аннотация

Детектив с итальянским колоритом. Загадочные этруски, некрополи и гробницы, средневековая архитектура, вино и оливковые сады – в Тоскане прекрасно все. Но и здесь, в этих дивных местах, бушуют страсти и случаются убийства. В провинции Гроссето группа студентов-археологов обнаружила загадочную гробницу этрусков. Антон Тарасов, антрополог, обладающий не только глубокими знаниями, но и «*le sarcisità insolite*» – необычными способностями, приезжает по просьбе друга Витторио Чезари Бенсо ди Ревель помочь разобраться с тайной древнего захоронения. Однако Тарасову придется разгадывать не только загадки этрусков, но и разбираться со скелетами в шкафу семьи Бенсо ди Ревель.

Содержание

Понедельник	5
Вторник	47
Среда	64
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Елена Ленёва

Тосканский фьюжн

Там недавно мне снился роскошный сон

Но... всегда ли я

Ради этих снов забывал твой стон,

О Италия!

Яков Полонский

Все проходит, как тень, но время

Остается, как прежде, мстящим,

И былое, темное бремя

Продолжает жить в настоящем.

Николай Гумилёв

Фьюжн (от англ. fusion – «сплав», «слияние») в широком смысле – *сочетание несочетаемого*, соединяющее в себе элементы и идеи из несовместимых стилей, однако не теряющее при этом целостности и гармонии.

Понедельник

Расположившись в салоне первого класса Боинга-737, Антон Тарасов с наслаждением откинул спинку кресла: самолет набрал высоту и взял курс на Рим. Антон летел в Италию. Любимую Италию. На этот раз – в Тоскану – удивительный регион, в котором прекрасно все: старинные городки, виноградные холмы, горные массивы, морское побережье, реки и озера, гастрономические изыски и древние развалины этрусков.

Летать Антон любил. После окончания школы он даже подумывал «пойти в летчики». Судьба распорядилась иначе – профессия у него оказалась самая что ни на есть земная, однако небо и облака манили его, а вид самолетов приводил в восторг. Во время полетов он расслаблялся и отдыхал, старался ни о чем серьезном не думать, освободив мозг от многочисленных дел, хлопот и обязанностей – в НИИ, на кафедре и в семье.

Антон с удовольствием пригубил кьянти (услужливая стюардесса после набора лайнером высоты тут же предложила пассажирам первого класса большой выбор напитков) и принялся разглядывать в окно иллюминатора земные ландшафты. Вид с высоты сквозь плывущие облака, как всегда, был восхитителен.

Сегодня вряд ли получится разгрузить голову. И все из-за

Маринки. Жены. А, возможно, в скором времени – бывшей жены. Три месяца назад жена ушла от него. Он надеялся, что это временная блажь, и она вернется. Но три дня назад Марина объявила ему, что подала документы на развод.

Маринку он любил. И очень не хотел с ней расставаться. Она же решила по-другому. В том, что их семья распалась, была и его вина: он потерял бдительность. Шестнадцать лет они были счастливы в браке, родили замечательную и всеми любимую дочь Валерию. А теперь Маринка сообщила, что уходит к другому. Человеку простому, как она выразилась, без особенностей, с которым ей легко. А с Антоном, значит, ей трудно. И все из-за «особенностей».

Но разве он виноват, что иногда на него «накатывало» и его одолевали необычные видения?! В нем проявлялись какие-то диковинные способности: он вдруг начинал видеть то, чего не видят другие – картины прошлого, например; мог улавливать чужие мысли или предчувствовать, что произойдет в будущем. Хотя, надо признаться, что с предсказаниями будущего у Антона получалось слабовато. Пару раз только картинка, которую он уже видел в воображении (слово «видел» при объяснении этих непонятных явлений ему казалось не совсем уместным, но как иначе описать эти странные фантазии?), повторялась в реальности через несколько дней. А в остальном – накатывало! Особенно с чужими мыслями.

Такое случалось нечасто, поэтому Антон не беспокоился. Как человек, имеющий аналитический склад ума, он нашел

объяснение этому феномену. Считал это даром свыше. Однако ни развивать, ни изучать его не хотел. Зная, что официальная наука считает подобные явления несуществующими (!) и объясняет такие способности мозга всего лишь игрой воображения или, что еще проще, примитивным обманом, он не вступал в спор с научным сообществом и редко кому рассказывал об этих своих особенностях, чтобы не прослыть чудаком, сумасбродом или сумасшедшим.

Дар этот помогал ему в научных исследованиях, в работе. Но мешал в обычной жизни.

В последний год он стал слишком часто улавливать женские мысли. Ничего крамольного в них не было. Обычный ворох скачущих женских размышлений: от уборки, на которую жаль тратить время, и до Лериных ухажеров, которых почему-то надо гнать – всех, особенно Гарика. Чем, интересно, Гарик ей не угодил? Как на его взгляд, замечательный парень! Да, о Лерке жена думала чаще всего.

Было в ее голове место и какому-то Саше, но Антон старался не заикливаться на этом. А еще Маринка беспокоилась из-за него – Антона. Она считала, что с ее мужем что-то не так. И не могла понять, что именно мешает их отношениям. Антон стал более внимательным, контролировал свое поведение и разговоры с женой. Он сам не понимал, отчего это в последнее время мысли жены влезали в его голову, он искренне гнал их и старался не фиксировать на этом внимание. Пару раз он чуть не прокололся: отреагировал на то,

что предназначалось не для его ушей. Марина напряглась и забеспокоилась. Тогда Антон сумел перевести назревающий конфликт в шутку, лаской и нежностью погасил напряжение между ними.

А вот в *тот* раз, три месяца назад, что-то пошло не так, и он не уследил.

...Было воскресенье. Утро. Весна, за окном щебетали птицы. Антон и Марина завтракали, Лерунчик еще валялась в постели. Он расслабился, разгрузил голову (так он называл состояние пустоты, во время которого на него накатывало).

Маринка сказала:

– Надо переставить этот шкаф. Он мне действует на нервы. Закрывает часть окна.

Он ответил:

– А зачем его переставлять, Марин? Хорошо стоит. Если его уберем, место останется пустое. Может...

Он не договорил. Потому что она взорвалась:

– Я знала. Я чувствовала, что ты ненормальный. Я так больше не могу! Ты понимаешь, что с тобой невозможно жить!

Он слишком поздно догадался, что произошло. Фразу про шкаф она, на самом деле, не произнесла, а только подумала. А он, погруженный в свои думы, кофе и птичек за окном, не распознал, что это были только *мысли*.

– Я замечала... – она была на грани истерики. – Я ведь, дура, считала, что это со мной проблемы, что я свои мысли

произношу вслух, думаю вслух. Но теперь-то я понимаю, – она закричала, – это не я, это ты ненормальный. Ты, оказывается, все время знаешь, о чем я думаю. Это неправильно! Это бесчестно, в конце концов. Мы не можем больше жить под одной крышей. Это не жизнь. Я уйду от тебя. Прямо сегодня соберу вещи и уйду.

– Марина... – он хотел объясниться. Взял ее за руку.

– Не трогай меня. Я просто не смогу жить с тобой в одном доме. Все. Точка.

На кухню вбежала Лера.

– Мам, ты чего? Что случилось? Ты кричишь на папу?

– Валерия, я ухожу от твоего отца.

Марина называла дочку полным именем в двух случаях: если была очень рассержена или очень взволнована.

– Как уходишь? – Лера удивленно посмотрела на мать и обратилась к отцу: – Пап, вы из-за чего поругались?

– Не имеет значения, из-за чего мы поругались, – ответила ей Марина, – важно то, что я ухожу. Пока побуду у бабушки с дедушкой. Ты можешь жить с отцом, если хочешь. Здесь школа. Закончишь год, потом посмотрим.

– Но я хочу жить с вами обоими.

– Вопрос решен.

Жена не терпела возражений. И Лера не решилась протестовать.

– Надеюсь, ты не будешь считать свою дочь? – обратилась Марина к Антону, нехорошо улыбаясь.

– Марина... – он пытался возразить.

– Нет, ты ответь! Ответь! Или ты только на мне эксперименты проводишь?

– Чего-чего? Мам, пап, вы о чем? Что значит, считать? Какие эксперименты? Родители, вы мне можете объяснить, что здесь происходит?

Марина заплакала и пошла собирать чемоданы. Антон обнял дочь и сказал, что дети не должны страдать из-за ссор взрослых, потому что дети – это самое главное. Банальность... Но ничего лучшего в тот момент он придумать не мог.

С тех пор прошло три месяца. Марина заходила в их дом только два раза: за оставшимися вещами. Потом у нее появился Саша. Тот ли это Саша, который иногда проскальзывал в ее мыслях, или другой, Антон не выяснял.

Маринку он любил, да. И хотел бы ее вернуть. Но ничего не делал для этого. Лерунчик пользовалась ситуацией и неплохо себя чувствовала: жила на три дома – у бабушки с дедушкой, у мамы с Сашей и у папы. Все старались угодить девочке, чтобы смягчить психологическую травму – развод родителей. Ситуация, действительно, была непростая и неправильная. Валерии пятнадцать лет, трудный подростковый возраст, ей нужны внимание и любовь мамы и папы. Но Лера, как понял Антон, особо не переживала. Ее любили, и это было для нее главное.

Вот кого ему ни разу не удавалось «прочитать» – это свою

дочь. Сколько он ни пытался – не получалось. Лера ускользала от его дара. Ему даже казалось, что это она угадывает его мысли. Иногда она так внимательно смотрела на него, прищуriv глаза, что у него закрадывалось сомнение: а не передались ли ей – любимой дочери – эти необычные способности?

Антон много думал о жене. Это мешало работать, мешало жить. Все-таки они прожили вместе шестнадцать лет и забыть эти годы, вычеркнуть из памяти счастливые дни и страстные ночи он не мог. Но и оставаться в этом эмоциональном вакууме было невыносимо. За эти месяцы он написал несколько статей, участвовал в конференциях в Германии и Японии, однако научная работа только на время отвлекала его от мыслей о жене. Оставаясь в квартире, в которой не было Марины, он тосковал.

И, удивительно, его дар почти ни разу не посещал его за эти три месяца.

А вчера позвонил Витторио. Загадочным голосом и витиеватыми оборотами речи заинтриговал: в лесах Тосканы, в провинции Гроссето группа студентов-археологов обнаружила нетронутую гробницу этрусков. Так как Витторио финансировал раскопки, ему первому и доложили о находке. После осмотра гробницы тот сразу же позвонил Антону. Почему не итальянским специалистам? Почему не доложил в университет Сиены, где работают уникальные ученые, знатоки этрусской культуры и обычаев? Или в Туринский уни-

верситет, который на протяжении нескольких лет проводит раскопки в Тоскане и Лацио? Почему сразу же не уведомил Управление по Охране Археологических Ценностей Этрурии?

О находке студентов пока никто из специалистов не знает. Витторио сразу же сообщил о ней только Антону. Почему? Вито на вопрос не ответил, лишь сказал, что студенты раскопали нечто необычное. И если профессору Тарасову интересно (а Тарасову, конечно же, было очень интересно!), то он должен срочно приехать. И добавил, что захоронение, определенно, заинтересует не только археологов, но и антропологов, палеогенетиков и даже палеопатологов.

– Витторио, ты не ошибаешься? Ты почему говоришь о палеопатологах? Что интересного им могут рассказать урны с прахом?

– А ты приезжай, сам увидишь.

– Или это поздняя эпоха? Необычные скелеты?

– Антонио, ты все сам увидишь!

– Ты заинтриговал меня, мой друг.

– А я на это и рассчитываю. Только поторопись. Когда этим захоронением займутся наши ученые, набегут журналисты, охочие до сенсаций. Зная репутацию стариков, – Витторио хихикнул (так он называл старшее поколение итальянских ученых), – они поначалу никому ничего не скажут, будут охранять любые сведения. Не допустят никого из иностранных специалистов. И тебя не пустят. Я уверен, что си-

ньюр Гвидиче или профессор Росси не будут спешить приглашать иностранцев. Ты же понимаешь – стариковская подозрительность. Так что, Антонио, если хочешь узнать и увидеть это захоронение до того, как им займутся наши мэтры, непременно приезжай завтра.

Антон улыбнулся, вспомнив смешного, вечно недовольного журналистской братией семидесятилетнего профессора Росси, – невысокого живчика с копной рыжих волос, которому удивительно подходила его фамилия (по-итальянски Росси означает «рыжий»), и уверенно ответил:

– Хорошо. Буду у тебя завтра. Сегодня согласую с начальством свой отъезд. Дочка вот только бесхозная. Боюсь ее одну оставлять. А жена, – он запнулся, – ну... Марина... уехала со своим Сашей куда-то...

– Переживаешь?

– Нет, – сказал он равнодушно.

Вот именно сейчас! Именно в этот момент он совсем не переживал. И это была правда. Он почувствовал (накатило!), что его ждут очень интересные события.

Звонок Витторио его очень заинтриговал!

– Антонио, это важно. Жду тебя завтра. Я не могу больше двух дней держать в тайне эту находку. К тому же студенты жаждут славы и признания, – он засмеялся. – А тебе не помешает попрактиковаться в итальянском. Сколько мы не виделись?

– Почти год.

– Значит, ты приедешь?

– Я буду у тебя завтра, Вито. Лететь в Рим или Флоренцию?

– В Рим. Я тебя встречу и отвезу в Тарквинию. В свое поместье. А там недалеко и до места раскопок.

– Спасибо, мой друг. До завтра.

Антон перебрал в памяти все известные ему (доступные и широкой публике, и только специалистам) сведения о захоронениях этрусков, недавних находках-сенсациях и не мог разгадать, даже предположить, что же такое *откопали* (нужное словечко подобрал – и в прямом и в переносном смысле!) студенты Витторио, что вынудило его друга обратиться за помощью к Тарасову? Ну, хорошо, допустим, нашли новые урны с прахом эпохи Вилланова или более поздние погребения. Возможно, хорошо сохранившиеся скелеты. И что? Что в этом необычного?

Надписи? Загадочные фрески на стенах? Изделия, амулеты? Но в Италии много археологов, антропологов, лингвистов, других специалистов, которые прекрасно знают свое дело и умеют расшифровывать необычные артефакты.

Тогда что?

Найти неразграбленные захоронения этрусков – само по себе уже сенсация. И любая подобная находка вызывает интерес археологов всего мира, потому что именно содержимое гробниц дает информацию о жизни, традициях и искусстве этрусков. Недавно археологи из Туринского университета во

время раскопок в провинции Лацио обнаружили гробницу этрусского правителя – погребальное сооружение с двумя саркофагами, возраст которого относят к седьмому веку до нашей эры. Эта усыпальница была найдена в знаменитом этрусском некрополе, который вмещал в себя несколько тысяч гробниц.

В Тарквинии – древнем этрусском городе, в некрополе Доганачча, несколько лет назад обнаружили захоронение принцессы этрусков (так археологи нарекли останки), датированное также седьмым веком до нашей эры с фресками и предметами, которые сопровождали в загробную жизнь загадочную этрусскую женщину. Это, действительно, редкая находка.

А вот *одиночные гробницы* можно найти или случайно (например, около города Читта-делла-Пьеве один итальянский фермер вспахивал землю и обнаружил под плугом пустоту. Приехавшие археологи сразу определили, что перед ними нетронутая гробница этрусков, внутри которой, вместе с разнообразной погребальной утварью, находились два саркофага – один использовался в качестве урны с прахом, а в другом был обнаружен скелет мужчины, имя которого, судя по надписи на саркофаге, было Ларис), или при раскопках, производимых археологами-любителями. Пару лет назад такие любители (студенческий «Союз Одиссея») обнаружили захоронение курганного типа в окрестностях городка Чивителла-Паганико, в котором находились тридцать урн с пра-

хом, бронзовые монеты, ювелирные украшения, бронзовые зеркала, амулеты. Эта гробница была моложе «фермерской» на пять столетий.

Но что нашел Витторио? Может быть...

Антон вспомнил о недавней сенсационной находке в Популонии – портовом городе Этрурии. Руководитель раскопок – профессор археологии Миланского университета – найденное захоронение назвал «ненормальным» и удивительным. И было чему удивляться. Могила представляла собой простую яму, выкопанную в прибрежной песчаной почве. В ней лежал скелет молодого мужчины. Дух усопшего не был умиловлен погребальными дарами, как это было принято у этрусков. Наоборот, мучения юноши хотели продлить и в загробной жизни – на ногах его были железные кандалы, а на шее – железный обруч. Почему юношу заковали в кандалы? Можно только предполагать. Фантазировать на темы жизни и смерти в загадочной Этрурии.

Этруски умели красиво жить. И они верили в загробную жизнь. Поэтому гробницы и аристократов, и людей попроще отражали земные радости своих владельцев – домашнее убранство, яркие фрески, рассказывающие об их жизни, личные вещи. Вполне себе жизнеутверждающие саркофаги! По верованиям этрусков, умершие должны были наслаждаться радостями загробного мира.

Однако в Популонии захоронен юноша в кандалах – без почестей и традиционного уютного убранства. Очень

необычно! Невероятная удача для археологов!

Возможно, нечто подобное нашла команда Витторио. Тарасову, конечно, было бы интересно взглянуть на такую находку.

Раздумывая над этим весь вчерашний вечер, Антон решил, что студенты откопали, скорее всего, нечто необычное и даже загадочное, требующее нестандартного объяснения. Вито посчитал, что такие объяснения может предоставить профессор Тарасов, обладающий не только необходимыми знаниями, но тем самым *sextus sensus*, без которого разобраться в многовековых тайнах непросто. Но не слишком ли Вито надеется на эти его способности?

Антон Тарасов – антрополог. Еще несколько десятилетий назад антропологи занимались изучением человека исключительно как биологического вида, а сегодня не меньший интерес для ученых представляет человек как вид социальный. Тарасов исследует цивилизации, культурные традиции, этнические взаимосвязи, поведение групп и этносов в каждой культурной среде, их религию, развитие экономики, менталитет. Это же так интересно: понять суть противоречий между народами, социальными слоями, группами и этносами! Возникновение и гибель цивилизаций! Шумеры, хетты, ассирийцы... Ацтеки. Загадочная и величественная цивилизация майя... «Дети солнца» инки. Скифы. Этруски! Древняя Персия, Месопотамия, Вавилон! Что есть вымысел, философская сказка, а что – исторически доказанные факты и

события? Удивительная у него профессия, и он отдается ей полностью.

Начав в студенческие годы изучать останки древних людей, Антон постепенно перенес интерес в общественную плоскость антропологии. Он является одним из крупнейших специалистов в области социальной антропологии. У него большие знания по психологии, педагогике, этнологии, палеогенетике. Антон участвует в этногенетических реконструкциях – исследованиях, проводимых на стыке археологии, физической антропологии и молекулярной генетики, целью которых является формирование комплексной картины генезиса населения различных регионов планеты, как с точки зрения формирования их генетического состава, так и с позиций становления и развития особенностей материальной и духовной культуры. Тарасов тесно сотрудничает с археологами, медиками, биохимиками, свободно говорит по-итальянски и по-французски, вполне сносно владеет английским и учится понимать китайские иероглифы. И, конечно же, его интересуют всякие необычности в археологических находках.

Витторио – адвокат. Археология, палеонтология – его хобби. Хотя Антон считает, что Витторио разбирается в истории Италии и археологии ничуть не меньше, чем в адвокатской деятельности. А самый главный его интерес – этруски – загадочный народ, живший на территории современной Тосканы, создавший уникальную цивилизацию на Апеннин-

ском полуострове в первом тысячелетии до нашей эры. Цивилизация эта оказала огромное влияние на римскую культуру. Почему она исчезла? Откуда пришли этруски? Откуда взялся их удивительный язык, который до сих пор не могут расшифровать лингвисты?

Витторио все свое свободное время, которого у него не так-то и много, посвящает изучению Этрурии – страны этрусков. Он финансирует раскопки, спонсирует археологические музеи и ведет за свои деньги научные исследования.

Но помыслить себя без адвокатской деятельности он также не может. Витторио Чезари Бенсо ди Ревель считается в Лацио и Тоскане (как, впрочем, и во всей Италии) одним из лучших адвокатов по уголовным делам.

Так получилось, что этруски и одно маленькое криминальное происшествие их однажды и познакомили.

Пять лет назад в Риме проходил форум, посвященный загадкам древних цивилизаций. У Антона тогда украли сумку с документами. С ним такое случилось впервые, и он растерялся, не знал, к кому обратиться. Витторио присутствовал на конференции и помог утрясти все формальности. (Документы полицейские потом нашли. И воришек тоже.) С тех пор Антон и Вито подружились. И это была настоящая дружба.

Они доверяли друг другу настолько, что однажды Антон рассказал Витторио о своих «особенностях». Тот пришел в восторг, назвал его счастливчиком (да уж, счастливчик, жену

потерял из-за этого!), счел дар Антона шестым чувством и непременно захотел увидеть, как *это* работает. Оценив откровенность Антона, Вито также стал делиться с русским другом своими секретами. Их было предостаточно: и семейные тайны клиентов, и криминальные истории из адвокатской практики, и секреты тосканских политиков, интересы которых защищал мэтр Чезари.

Витторио родился в Тарквинии – признанном центре древней Этрурии. Интерес к цивилизации этрусков возник у него с детства. Иначе и быть не могло, потому что его воспитанием занимались два деда: один (по матери) – хирург, лечивший, как он говорил, самого Муссолини, и второй (по отцу) – художник, участвовавший в реставрации этрусских некрополей. Маленького Вито водили на раскопки, показывали ему сокровища этрусков, рассказывали о загадочной цивилизации, жившей на этих землях более двух тысяч лет назад.

После окончания лицея Витторио хотел стать историком и посвятить свою жизнь изучению прошлого Италии. Но семья воспротивилась. Дедушка по маме к тому времени уже умер (он смог бы убедить свою дочь!), а второй дед был совсем стареньким: его ограждали от всяких семейных проблем, поэтому надеяться на его заступничество Вито не мог. А вот мама и тетя разыграли целый спектакль (трагикомедию!), в котором ему – Витторио – отводилась роль статиста. Как будто это не его жизнь! И не его судьба!

Отец Витторио, кстати, был не против выбора сына, но кто слушает отца? Баронесса Бенсо ди Ревель – мама – имела непререкаемый авторитет! А как иначе может быть в итальянских семьях?

Для юного Вито подобрали «подходящее занятие» – он должен учиться юриспруденции и стать адвокатом! И Витторио сдался. Мама – хранительница титула и любимая тетька, мамина сестра, одержали верх и уговорили «дорогого мальчика» поступить в университет на юридический факультет. У Витторио есть старшая сестра, и у тети – две дочери; он – единственный наследник мужского пола и обладатель титула барона Бенсо ди Ревель.

Однако, дав согласие стать адвокатом, юный Витторио Чезари Бенсо ди Ревель (Чезари – фамилия отца) настоял на собственном выборе специализации. Он заявил, что больше никого слушать не будет! Баронесса уступила («Beh, ragazzo mio, lascia che la tua strada»¹), не предполагая, что сын может оказаться настолько глуп, что выберет иное направление, кроме финансового. Что может быть престижнее, чем защита финансовых и экономических интересов клиентов! Адвокат, имеющий знания в области финансов, экономики, банковского дела, бухгалтерского учета и прочих важных вещей – это ведь так современно и так престижно! А со временем (почему нет?) ее сын может стать политиком! С таким багажом и связями это будет нетрудно.

¹ Хорошо, мой мальчик, пусть будет по-твоему (ит.).

Но сын оказался глуп (по маминым представлениям). Он стал «всего лишь» криминальным адвокатом. Баронское слово нарушать не принято, и, нравилось это или нет маме с тетей, Витторио стал адвокатом по уголовным делам. И, надо сказать, блестящим адвокатом!

Антон был рад звонку итальянского друга и без промедления откликнулся на его приглашение. И потому, что хотел отвлечься от дум о предстоящем разводе, и потому, что услышал в словах Витторио неподдельное волнение, вызванное, очевидно, сильным впечатлением от чего-то неожиданного и необычного.

Загадки Антон любил и любил их разгадывать. Из-за небольших странностей, обнаруженных при раскопках, Вито не стал бы его тревожить. Да, этруски – удивительная цивилизация, и тайн, связанных с ними, предостаточно. У науки до сих пор больше вопросов, чем ответов.

Тарасов чутьем своим уловил, что его друг нашел нечто особенное. И приглашая Антона, Витторио рассчитывал на то, что профессор антрополог поможет ему с этим *нечто* разобраться...

Командир воздушного судна объявил о снижении. Пассажиры послушно перевели кресла в вертикальное положение, задвинули столики, пристегнули ремни и с энтузиазмом принялись рассматривать в иллюминаторы великолепные земные ландшафты.

Антон допил бокал вина, настроился на новые впечатления.

Через пятнадцать минут самолет приземлится в международном аэропорту имени Леонардо да Винчи – Фьюмичино.

– Ciao, caro amico!

– Buon giorno, amico mio Antonio!²

Витторио и Антон обнялись. Почти ровесники (Тарасову – сорок два, Вито – сорок пять), одного роста, оба слегка небриты, они какое-то мгновение рассматривали друг друга, затем снова обнялись.

– Я так рад тебя видеть, Вито, – со всей искренностью произнес Антон, – ты не представляешь, как я рад. Даже если в твоём захоронении нет ничего необычного, я все равно благодарен тебе за приглашение.

– Есть-есть, – засмеялся Витторио, – кое-что интересное, кроме Тосканы и моего вина, я тебе приготовил. – И без перехода: – водку привез?

– Обижает... – Антон засмеялся, – и водку, и икру. Маме твоей везу ее любимый шоколад. Как она, кстати?

– Тяжело. – Вито немного смутился, – она в клинике.

– Извини. Я не знал.

² 1 – Привет, дорогой друг. – Здравствуй, мой друг Антонио (ит.).

– Понимаю... Такая болезнь странная... Мамочка моя ничего не помнит. Нас не узнает.

– Вито, как же так? Неужели так серьезно? Год назад баронесса мне рассказывала, как они с твоим отцом поженились. Каким непослушным ребенком ты рос, в отличии от Клаудии. То есть она прекрасно помнила даже давние события своей жизни.

– В том то и дело. За полгода ее состояние ухудшилось. Медицина здесь бессильна. Мама помнит детские годы, гимназию, а потом – провал в памяти. И ведь ничего сделать нельзя. Мы старались ухаживать за ней дома. Но пару месяцев назад она чуть пожар не устроила. Так что пришлось перевезти ее в клинику. Бываю у нее почти каждый день. Сестра приезжает реже. У нее внуки. Мама иногда принимает меня за Альберто. Это ее друг детства.

– Даже не знаю, что сказать, Вито. Я никогда с такой болезнью не сталкивался.

– Да что тут скажешь... – он немного помолчал. – Иногда мне кажется, что память к ней возвращается. На прошлой неделе она вдруг посмотрела на меня совершенно осмысленно и сказала: «Сынок... подойди ко мне». Я бросился к ней, обнял, думал, болезнь отступила, но ошибся. Это был просто какой-то проблеск. Страшный недуг. Тому, кто найдет лекарство от болезни Альцгеймера, человечество поставит прижизненный памятник... Но не будем о грустном. Расскажи о себе.

– Расскажу. Мне о многом нужно с тобой поговорить. Они не могли наговориться. Рассказывали обо всем сразу. Выехав на автостраду, Витторио спросил:

– Ты устал? Заедем домой?

– Нет, давай сразу на раскопки. Пока не стемнело.

– Я так и думал. Какой нетерпеливый! А выпить? Перекусить?

– Потом. В самолете прекрасно кормили. И кьянти, между прочим, давали. Так что не беспокойся. Ты меня так заинтриговал. Я чего только не передумал. Даже не представляю, что ты там обнаружил!

– Антонио, я тебе сейчас расскажу, но не все. Самое главное не скажу.

– Почему?

– Пока не скажу. Ты должен сам увидеть. Очень важным будет первое впечатление, когда ты увидишь гробницу своими глазами. И к тому же... вдруг... – он помолчал, – вдруг у тебя проснутся твои... *le capacità insolite*³. Скажу только, что такое я вижу впервые.

– Интриган! Вито, я в нетерпении.

– Подожди. Нам ехать часа полтора.

– Сообщи хотя бы, как нашли гробницу?

– Это – пожалуйста. Полгода назад пришли ко мне студенты археологического факультета. Рассказали, что один из них изобрел прибор, который может помочь найти глубокие

³ 1 Необычные способности (ит.).

захоронения. Что-то наподобие миноискателя. Они хотели заняться поисками неизвестных гробниц этрусков. Я в приборах ничего не понимаю и в такие возможности их изобретения не поверил. Этрусски хоронили в урнах. Или в каменных гробницах. А прибор, по их словам, реагирует на человеческие останки. Короче, они меня заверили, что это какое-то уникальное приспособление. Обещали показать, как он работает. Через пару дней мы поехали на современное кладбище и, надо тебе сказать, прибор реагировал и на могилы, и на урны с прахом в стенах.

– Как реагировал?

– Пищал. В наушниках был слышен сигнал.

– И что они от тебя хотели? Денег?

– Не только. Хотели, чтобы я помог им в поиске новых гробниц. И финансово, и своим авторитетом. У них есть идеи, есть план местности, где они собирались копать, но нужно разрешение. Университетское начальство самоустранилось. Я не верил, что в Тоскане и Лацио можно найти что-то новое. У нас предостаточно захоронений. Целые погребальные комплексы! Уникальные памятники древней цивилизации, по которым человечество судит о повседневной жизни этрусков, об их мифологии, обрядах...

Антон засмеялся.

– Ты чего?

– Забываешь, что я не студент.

– Забываю. Стоит мне только начать рассказывать об

этрусках и пошло-поехало... Это как в суде, – он повернул смеющееся лицо к Антону.

– За дорогой следи, потомок этрусков...

– Ты не иронизируй. Вполне может быть...

– Может быть *что*?

– Еще мой дед говорил, что цивилизация этрусков исчезла, но потомки их остались. Ассимилировались с римлянами. Между прочим, – он хитро подмигнул Антону, – тут мне сестра недавно сообщила, что вполне...

Витторио враз залился смехом, закашлялся, чуть приторможил автомобиль, и продолжил:

– Нет, ты только послушай... – он продолжал смеяться.

– Да я слушаю, слушаю, – глядя на смеющегося друга, и Антон не сдержался, захохотал.

– Сестрица моя на старости лет...

– Ты зря сестру в старухи записываешь. Я один раз ее видел... Ээх! Красавица! Пятьдесят лет – разве это возраст?!

– Во-первых, пятьдесят пять. А во-вторых, не перебивай. Так вот сестрица моя объявила, что составила наше генеалогическое древо и дошла до царя Тарквиния.

– Тарквиния Гордого?

– Еще дальше. Тарквиния Древнего. Папаши его.

Он продолжал смеяться.

– И что тебя не устраивает? Ты не хочешь вести свой род от сих царственных сеньоров?

– Антонио, – Вито веселился, – это шестой век до нашей

эры! Я ей предложил найти в корнях нашего дерева неандертальца или, чтоб уж наверняка не ошибиться, хомо эректюса⁴. Она почему-то обиделась.

– Злой ты, Вито. Зачем сестру обидел?

– Так она еще сказала, что для меня старалась!

– Для тебя? Это как?

– Я ж барон, Антонио.

– А сестра разве не баронесса?

– Сестра – нет.

– Почему?

– С этими титулами так просто не разобраться. Особенно иностранцу. Мама – хранительница титула – баронесса. Титул передается по мужской линии. Вот Клаудиа и решила, что я непременно должен знать, насколько древний наш род. Но, Антонио, – он снова захохотал, – зачем искать в нашей родословной этрусских царей Тарквиниев? Зачем придумывать, что предки Бенсо жили две с половиной тысячи лет назад? Я ей сказал, что мне, как главе рода, вполне хватит и двухсотлетней истории. Официально идет наш род от одного феодала, сеньора Бенсо. Из Турина. Зачем что-то менять? Не буду тебе и голову морочить.

– Да, сложно у вас разобраться. И в титулах, и в родословных. У нас все проще: я – потомок рабочих и крестьян.

Они оба веселились.

– На чем мы остановились? – спросил Витторио, отсмеяв-

⁴ Homo erectus – человек прямоходящий.

шись.

– Остановились на том, что юные археологи тебя все-таки уговорили. Значит, чем-то они тебя заинтересовали. Чем? Ты надеялся на новые открытия?

– Я сомневался. Ну что они могут открыть нового?! Хорошо, пусть даже найдут еще одно захоронение. Это все равно не приблизит нас к ответу на основные вопросы. Но меня впечатлила их решимость. Они были настойчивы. Особенно одна аспирантка, которая руководила их коллективом и, собственно, разработала маршрут раскопок.

– Ага! Вот мы и добрались до сути, – Антон хитро прищурился, – дело именно в *ней* – умнице и красавице аспирантке. И ты сдался!

– Я не сдался, – Вито снова засмеялся, – я позволил себе быть снисходительным. В конце концов, если мое покровительство и деньги пойдут на доброе дело, что в этом плохого?! Даже если они ничего не найдут (а я так и думал), лучше заниматься делом, чем сидеть в социальных сетях или расслабляться в ночных клубах. Я сам столько раз принимал участие в раскопках, когда был молод. В общем, на поисковое устройство я не надеялся, но их позитивный настрой меня убедил. Я согласился и выдвинул условие: немедленно доложить мне, если они обнаружат что-то интересное. И никому, кроме меня не сообщать. Только я буду решать, как дальше поступить с находкой. Позавчера они нашли гробницу.

– Почему ты *мне* позвонил? Почему не на кафедру в Си-

ену?

– Потому что ты – мой друг, ты – антрополог. И потому что тебя интересуют всякие археологические загадки.

– Значит, там есть интерес для антропологов?

– Увидишь. Двадцать минут потерпи. И еще... – Вито замолчал.

– Что? Говори.

– И еще потому, что у тебя есть это самое... чувство.

– Это не всегда работает.

– Не скромничай. – И добавил, совсем без перехода: – если бы ты знал, как я рад тебя видеть, Антонио!

– И я рад. Просто счастлив. Еще позавчера думал, что у меня все рухнет. Если честно, Марина подкосила меня своим разводом. А сегодня мне снова хочется работать, встречаться с друзьями. Спасибо тебе. За приглашение и за то, что ты у меня есть.

Витторио расплылся в улыбке.

– Подъезжаем. Да, забыл тебя предупредить. Все события нахлынули сразу. Завтра у моей тетушки юбилей. Семьдесят пять лет! Ее поместье находится недалеко от Тарквинии. Съезжается вся семья. Даже сын мой из Нью-Йорка прилетает. С утра – в аэропорт, потом поедem с отцом и сестрой за мамой, заберем ее из клиники. В семье о ее болезни знают, поэтому сложностей не будет. Все собираются в шесть вечера у тети. Будут кузины, мужья кузин, зять, племянники, дети племянницы. Это надо пережить. Я знал, что завтра бу-

ду занят. Поэтому хотел, чтобы ты приехал именно сегодня. Завтра ты будешь один. Эту машину я тебе оставляю. Путешествуй. Если захочешь встретиться со студентами, они тоже в твоём распоряжении.

– А аспирантка?

– Думаю, она не в твоём вкусе. Даже *настаиваю* на том, что она не в твоём вкусе.

– Понял, – улыбнулся Антон, – не переживай. Я не пропадаю.

– Я бы тебя пригласил на юбилей, но там соберутся только родственники. И две пожилые пары – старые тетушкины друзья.

– Не волнуйся за меня, Вито. Я знаю, что такое итальянская семья. И что значат такие праздники для всей фамилии.

Антон открыл окно, задышал:

– Эх, какой воздух! Тоскана. Так пахнет Тоскана.

– Ты прав. Места здесь удивительные.

– Как я понял, мы проехали Вульчи и едем в сторону Сованы?

– Да. Мы на правом берегу Фиоры. И наше захоронение недалеко от Читта дель Туфо⁵.

Антон наслаждался видами. Маленькие городки провинции Гроссето. Холмы, петляющие дороги, виноградники. И воздух! Воздух Тосканы...

⁵ 1 Археологический парк "Città del Tufo" включает этрусские некрополи III-II веков до нашей эры, находится недалеко от Сованы.

Слева показался Питильяно – сказочный город на скале. Антон бывал здесь не раз и в каждый приезд удивлялся: город казался нереальным, словно подвешенным в воздухе над пропастью. Так и хотелось сказать: «Это не настоящее, это декорации фантастического фильма!»

И вот Питильяно – серо-бурый город из туфа остался в стороне. Но завтра или послезавтра Антон обязательно остановится в этом месте.

От Питильяно до Сованы ехать, скорее, петлять восемь километров.

Наконец, они миновали и древнеримский городок Совану, проехали мимо археологического парка Читта дель Туфо – Города Туфа и через четыре километра свернули в лесной массив. Дорога становилась совсем узкая. Не дорога, а тропа.

Остановились они на небольшой поляне. Чуть поодаль Антон увидел натянутую палатку и два мотоцикла.

– Мы приехали.

Большая немецкая овчарка выскочила из-за палатки, залаяла, но, увидев Витторио, беспрекословно подчинилась его команде: «Sit! Questo è un amico»⁶. Из палатки, услышав шум, вышла симпатичная худенькая молодая женщина лет тридцати, протянула руку:

– Симона Кавалли.

Антон понял, что это она – аспирантка, которая руководит раскопками. Улыбнулся:

⁶ 2 Сидеть! Это друг (ит.).

– Красиво звучит. Симона Кавалли, – повторил он и представился, пожимая ей руку: – Антон Тарасов.

Девушка была хрупкая, но ее рукопожатие оказалось очень крепким.

– Да, это тот самый Антонио из России, – так представил его Витторио, – я вам, Симона, рассказывал о нем. Профессор антропологии и мой друг.

– Синьор Чезари, – обратилась она к Вито, – если сегодня мы не сообщим в Управление...

– Не волнуйтесь, Симона. Я выполню свое обещание. Как только Антонио осмотрит захоронение, вы можете рассказать о находке и заняться административными процедурами. У меня на это времени не будет, и вы вполне справитесь без меня.

Она довольно кивнула.

– Завтра ваше имя будет известно в научных кругах.

– Я не из-за этого, – девушка смутилась, – вы же знаете, проникновение воздуха...

– Я знаю, – он мягко перебил девушку, – ведите нас, Симона.

Они прошли еще метров сто по зарослям.

Ничего не намекало об археологических работах. Холмы, коричневые и грязно-оранжевые камни – признак вулканического туфа, заросли деревьев и кустарников, сухие ветки и листья под ногами и несравнимый ни с чем лесной аромат, от которого кружится голова. Местность холмистая, как и во

всей провинции. И, как и в Città del Tufo, специфическая из-за присутствия повсюду вулканического камня. Этот камень очень легок в обработке, достаточно поработать пилой и топором и готовы стены жилища. Или... гробницы.

Остановились. Если бы не четверо молодых людей (три парня и девушка), которые вышли им навстречу из-за небольшого каменного возвышения, Антон бы продолжал идти дальше.

Кажется, он начал догадываться. Где-то здесь, стоит отодвинуть несколько камней, можно найти вход в некое пространство, в котором древние люди обустроивали обитель для загробной жизни.

Так и произошло.

Все вместе они прошли еще метров пятнадцать, и Антон понял: здесь! Потому что забилося сердце, участился пульс, состояние легкого недомогания (или предчувствия!) охватило его и организм начал работать в другом ритме. Он вопросительно взглянул на Витторио. Тот загадочно улыбнулся и кивнул в ответ.

Трое парней отодвинули огромный булыжник, поросший растительностью (поэтому и незаметен он был среди зарослей), и взору открылся достаточно большой лаз и выщербленные ступеньки лестницы, ведущие вниз. Внизу также была каменная плита, чуть отодвинутая в сторону.

– Нам пришлось разблокировать и отодвинуть закладную плиту. Образовался проем. Он достаточный для того, чтобы

попасть в основное помещение, – пояснила Симона.

Вито надел налобный фонарь и, пригнувшись, начал спускаться первым. За ним Антон, потом еще парень со специальным фонариком и Симона. Двое студентов остались у входа.

Антон считал: одна, две, три... Всего двенадцать ступенек.

Витторио уже входил в самую шахту, а Антон на мгновение задержался. Обернулся.

– *Va bene, signor Antonio*⁷, – поддержала его Симона.

Он сошел с последней ступеньки и оказался в небольшом прямоугольном коридоре с двумя нишами, в которых были нагромождены предметы, покрытые пылью и паутиной (к ним, видимо, студенты не прикасались). Проход вел в небольшую камеру. Вито уже стоял в ней и освещал пространство фонариком. И Антон вошел.

Несколько секунд глаза привыкали к освещению. Комната два с половиной на три метра. Без особого убранства. Посередине – урна, в которой, скорее всего, находится прах человека. «Пятый век до нашей эры», – машинально отметил Антон. Пару металлических или керамических изделий около урны. По бокам две погребальные ниши. На одной из них...

Антон сначала не понял...

Что это?

Профессор Тарасов не верил тому, что видел. Этого не

⁷ 1 Все в порядке, синьор Антонио (ит.).

может быть!

На левом ложе лежала девушка. Вернее, ее мумифицированные останки. Рыжеватые волосы расплзлись по окрашенной в красный цвет каменной «подушке». От дуновения воздуха они чуть заколыхались, и у Антона перехватило дыхание. Под воздействием воздуха и смены температуры часть останков и эти волосы вскоре могут превратиться в пыль. Однако сейчас!.. Сейчас они были реальны!

Но не только наличие в гробнице мумии потрясло профессора-антрополога. В конце концов, при хорошей вентиляции, сухой почве и высокой температуре (а все эти условия, очевидно, сохранялись в погребальной камере все это время) естественная мумификация возможна, и археологам случалось находить такие останки при сходных природных обстоятельствах. Было еще нечто удивительное: грудь девушки пронизывал железный предмет!

Антон чуть наклонился, чтобы рассмотреть. Да, так и есть: рукоятка ножа. Казалось, «девушка» была накрепко пригвождена к своему ложу. Это было так невероятно, так не соответствовало традиционным представлениям об этрусках и их отношению к загробной жизни, что Антон на мгновение засомневался.

А является ли это захоронение этрусским? Такая жестокость свойственна средневековью.

И в момент растерянности и сомнения, как будто для того, чтобы эти сомнения развеять, он увидел (накатило!) кар-

тину, или, как сейчас говорят, клип: холмистый тосканский пейзаж, ступни в легких сандалиях, мокрые от росы, тонкие икры быстрых ног, девичья спина и рыжие волосы. Обладательница рыжих волос была в длинной рубашке до колен, наподобие хитона, с наброшенным на плечи легким покрывалом. Она шла по дорожке в сторону леса и срывала по пути зеленые оливки. И когда она убыстрила шаг, почти побежала, Антон услышал зов:

– Ия, Ия...

И эхо (или это его собственный голос?) вторило:

– Ииия, Ииия...

Девушка обернулась, остановилась и протянула руки навстречу зовущему. Как же она хороша!

Но картинка исчезла так же внезапно, как и появилась.

«Очутившись» снова в гробнице, Антон перевел взгляд на правое ложе.

Здесь, справа, на своем каменном одре, покоился скелет мужчины.

Сколько прошло времени, прежде чем они вышли на поверхность, Антон не мог сказать наверняка. А сколько прошло времени, прежде чем он и Вито остались вдвоем и заговорили о находке? Час? Два? Пять часов?

Они дождались, пока приехали археологи из Управления археологического наследия Этрурии. Чуть позже (уже начало смеркаться) примчались профессора из Сиены: археолог,

палеонтолог и биолог. Все говорили разом, что-то доказывали Витторио. Очевидно, были недовольны (еще бы: увидеть гробницу не сразу, а спустя два дня после обнаружения!). Они были так возбуждены и разговаривали так быстро и эмоционально, что Антон не понял и половины из их диалога. Итальянцы галдели, жестикулировали, снимали на видео, с экспрессией комментировали увиденное и что-то громко и порывисто разъясняли присутствующим студентам.

Симона была в центре событий, в то время как Антон и Вито почти устранились от общения с темпераментными учеными и сотрудниками управления.

Антон отошел чуть в сторону. Ему захотелось тишины. Было о чем поразмышлять.

Наконец, подошел Вито и сказал, что им можно уезжать. Простившись с Симоной, студентами и учеными, они сели в машину. Синьор Манчини, микробиолог, обещал уведомить Витторио и профессора Тарасова о результатах анализов. Останки хорошо сохранились, поэтому они планируют провести весь спектр палеогенетических исследований, связанных с определением и анализом последовательности древней ДНК, а также компьютерную томографию, гистологические и другие исследования. В общем, из «девушки» и «парня» выжмут все, что возможно.

– Этрусские Ромео и Джульетта, – сказал Вито, выезжая из леса, – любили друг друга и ушли вместе в загробную жизнь. Как тебе такая версия?

Антон, казалось, не слышал своего друга.

– Или у тебя другое объяснение?

– Ия...

– Что?

– Ее зовут Ия... – тихо сказал Антон, потом поправил: –

Звали...

Витторио какое-то время молчал. Затем сбавил скорость, посмотрел на Антона, довольный и радостный.

– Рассказывай. Значит, ты что-то видел... А я почувствовал, когда на тебя нахлынули видения. В какой-то момент ты был не с нами.

– Да ты езжай-езжай, – подмигнул ему Антон, – я проголодался.

– Это мы быстро поправим. Потерпи. Роза приготовила потрясающий ужин.

– Роза все еще работает у тебя?

– Конечно. Мы друг друга устраиваем. Я обожаю ее стряпню и доволен ее ведением хозяйства. За все годы между нами никогда не было недопонимания.

– Это главное. Я помню ризотто, которым она нас накормила в прошлый раз. Непередаваемое удовольствие.

– Разве только ризотто? А какие она делает десерты... ух, пальчики оближешь. Я ей сказал, что ты приедешь. Так что готовься! – Вито засмеялся и без паузы вернулся к основной теме: – Ну, и как тебе находка? Удивил я тебя?

– Еще как удивил.

– Тогда рассказывай!

– Пока нечего рассказывать, Вито. Могу только подтвердить, что да – это могила этрусков. По внешним признакам можно определить, что урна у изголовья девушки, браслеты и кольца на ее руках, детали выщербленного ложа, красная «подушка» – пятый век до нашей эры. Это ты и сам понимаешь. Но что за история произошла с этими людьми, я пока могу только предположить.

– Ты что-то видел?

– Да. Девушку с рыжими волосами. Ее звали Ия. Это все... Пока.

– Странное имя. Не этруское.

– Греческое. В это время между греками и этрусками расширялись экономические связи и торговля. Взаимопроникновение культур, так сказать. И, кстати, ты обратил внимание: в проходе в правой нише сложены предметы, среди них есть две греческие вазы. Возможно, имитация или буккери, но кажется мне, мой друг, что вазы все-таки от эллинов. Отчистят их от черноты и пыли и обязательно проявится керамическая роспись. Браслеты на правой руке у девушки также были привезены из Греции.

– Согласен. И что это значит?

– Есть версии. Но, думаю, пока рано их озвучивать.

– Эх, Антонио...

– Вито, – Антон широко улыбнулся, – обещаю, как только в моих картинках что-то прояснится, я тебе обязательно

расскажу.

– Я знаю. Поэтому не тороплю. А сейчас мы с тобой славно поужинаем и выпьем. Заслужили!

Они подъезжали к поместью Витторио Чезари.

В предчувствии божественного итальянского вина и вкусной еды Антон входил в дом Витторио.

Только после ужина они заговорили о находке студентов. Сидя в мягких креслах у открытой двери с видом на садовую террасу, сменив кьянти на монтепульчано и изрядно захмелев, Антон и Вито перешли, наконец, к главному: к загадочному захоронению. Что за тайна скрывается в этой находке?

Почему это захоронение находилось обособлено? Почему не вместе с другими могилами? Ведь совсем недалеко, в пяти километрах, есть некрополь этрусков – вырубленные в туфовых скалах углубления или, как его называют, город мертвых. В этом городе есть много могил: обширные – с многими украшениями, предметами быта, личными вещами, которые сопровождали богатых этрусков в загробный мир, и могилы попроще – отдельные отсеки для бедного люда. Там есть целые подземные жилища – несколько камер, соединенных между собой, с проемами, «окнами», нишами, каменными скамьями, на которые клали умерших. Этруски придавали огромное значение ритуалам, из которых самым значимым были похороны.

Но найденная гробница?! Как будто кто-то специально ре-

шил спрятать останки этих двоих (или троих? Не надо забывать об урне!) без оплакивания, без предметов обстановки и личных вещей, которые, по традиции, оставляли всем умершим для их загробной жизни.

Почему женские останки мумифицировались, а от мужчины, при сходных природных условиях, остался лишь скелет?

Почему рядом со скамьей девушки стоит урна с прахом? Чьи это останки?

Почему у девушки в груди нож? Девушку убили этим ножом? Или смерть ее была по другой причине? Возможно, ее тело «пригвоздили» к ложу уже после смерти?

– Как думаешь, Антонио, ее убили этим ножом?

А Вито, оказывается, тоже способен читать чужие мысли... Антон засмеялся.

– Я только что об этом размышлял.

– И каков твой ответ?

– Это самый легкий вопрос. Потому что палеопатолог может на него ответить абсолютно однозначно. Мы подождем результатов. На мой взгляд, смерть наступила от удара ножом. Почему ее убили? На эту тему мы можем фантазировать и более-менее представить картину произошедших событий. Но вот почему оставили нож в ее груди – это, пожалуй, загадка.

– А как тебе факт мумификации?

– Это очень странно... Опять же, нужно подождать

результатов анализов. Естественная ли это мумификация или...

– Или?

– Или девушку бальзамировали... Ведь существует же мумия этрусски, которую нашли в Египте.

– Ты говоришь о мумии, завернутой в льняное полотнище с этрусским текстом?

– Да. Хотя это отдельная история.

– Я все же склонен думать, что процесс этот проходил спонтанно, – рассуждал Вито, – без участия человека. В девятнадцатом веке во время раскопок подобные мумифицированные тела этрусков находили достаточно часто. Было такое поселение Тархна. Как и все поселения, оно происходило от родового имени. Считают даже, что название моего родного города связано с именем Тархона – основателя двенадцати городов Этрурии. Так вот. При раскопках этого поселения археологи находили мертвые тела в доспехах, у которых сохранились даже лица. Но, увы, вместе с археологами в захоронения попадал воздух и тела начинали быстро разлагаться.

– Да, я слышал об этом. И я склонен согласиться с тобой. Это, скорее, естественная мумификация. Но почему именно девушка? Почему не мужчина? А?

– Думаю, – Вито засмеялся, – женское тело более красивое, чем мужское. Красивое, эротичное, загадочное. Даже тысячелетия не смогли ничего сделать с этой рыжеволосой

красавицей. Время оказалось бессильно перед ее красотой.

– Да ты поэт, Вито. – Антон расхохотался, – и ты, скорее всего, прав.

– Еще вина, Антонио?

– Нет. Я основательно напился. Так что иду спать.

– Слабак. Ну, иди. А я еще немного выпью.

– Спокойной ночи, Вито.

– Хороших снов, друг мой.

Антон, шатаясь, поднялся в свою комнату. Хорошо, что он принял душ перед ужином. Сейчас у него не было никаких сил. Заснул он сразу же. Снились ли ему сны?

Один из них он точно запомнил...

Отец не возражал против их свадьбы! О! Верилось с трудом, но это так! Нужно скорее сообщить эту новость Титу. Ия не надеялась, что будет так легко уговорить отца. Ведь родители мечтали, чтобы она сочеталась узами с расеном. А Тит не расен, он элин. Но отец сказал: «Хорошо». И добавил, чуть подумав: «Если тебе нравится этот парень, я готов назвать его своим родственником. Но я должен быть уверен, что он будет заботиться о тебе так же, как я забочусь о своей жене и дочерях. И еще... – он внимательно посмотрел на дочь, – вы должны остаться жить здесь, в Этрурии. Но захочет ли элин остаться в нашей стране? Если он согласен... если вы оба согласны, что эж, мы с матерью не будем вам мешать».

Конечно, они согласны! Ия любит свою страну и никуда не хочет уезжать. А Тит любит ее – Ию. Поэтому он останется жить в Этрурии!

И вот сейчас Ия шла к Титу (он остановился в соседней деревне), чтобы сообщить эту потрясающую новость.

Есть только один момент, который омрачал ее настроение. Это Луций. Он будет несчастлив. Ия и Луций дружили с детства. Само собой разумелось, что они пожениятся. Но сердце Ии не стучало, когда Луций целовал ее. Нет, сердце стучало совсем не сильно, не так, как с Титом.

Любовь нахлынула внезапно. Это такое счастье! И Ия ничего не могла поделать со своими чувствами! Не могла и не хотела! В ее жизнь ворвался этот эллинский парень, и все изменилось.

А Луций... Луций останется другом.

Она шла по полю, срывая по пути оливки, разгрызая зеленые плоды (через месяц начнется период их сбора, но Ия любила такие – зеленые и недозрелые) и улыбалась своим мыслям. Она совершенно счастлива. Тит должен ждать ее неподалеку.

И, наконец, она услышала:

– Ия, Ия...

И эхо разнесло по округе:

– Ииия, Ииия...

Девушка обернулась на голос, остановилась и протянула руки навстречу зовущему. Это Тит. Какой он славный! Он

похож на героя, которого рисуют на эллинских вазах: мускулистые ноги, сильные руки, волосы до плеч. И глаза... В этих глазах столько любви...

Он увидел ее еще издали. Но не позвал сразу, наблюдал, как она идет и грызет оливки. Он не мог унять дрожь. Сколько у него было девушек; он любил их, ласкал, но никогда не испытывал подобных чувств. Ах, эта рыжеволосая тиррена! Она покорила его сердце. Он хочет быть вместе с ней навсегда. Он хочет сына от этой расены! Сына! И дочку. Такую же красивую, как Ия. Ему все равно, что скажет его строгий родитель. Тит влюблен и хочет связать свою жизнь именно с ней. Как же она хороша!

– Ия, Ия, – позвал он ее, наконец, и помахал рукой.

Она обернулась (прекрасная тиррена!) и пошла ему навстречу.

Приблизившись, она остановилась, замерев в каком-то оцепенении. Потом враз они бросились друг к другу в объятия. Это не поцелуй... Это что-то большее. Их захлестывала нежность. И страсть.

Вторник

Утром Антон встретился с Вито за завтраком.

– Когда тебя ждать, Вито? – спросил он, жуя свежие итальянские булочки из хлебного магазинчика сеньора Гросси, что в пятистах метрах от поместья.

– Завтра к обеду. Мы решили остаться в тетушкином доме на ночь. Будет вечер воспоминаний: в девять часов мы должны смотреть фильм о нашей семье. Джулия говорит, что кино смонтировано потрясающе. Семейная хроника велась с начала пятидесятых. Раньше это были киноплёнки, потом видео. После просмотра, естественно, будет обсуждение и воспоминания. Так что вечером не жди. И на завтрак я останусь у тети. Мы приедем к обеду.

– Мы? Ты будешь не один?

– С сыном. Познакомлю вас.

Потом позвал домработницу:

– Роза...

– Да, синьор.

– Позаботься о моем друге, пока меня не будет.

– Не волнуйтесь, синьор Витторио.

– Я буду завтра к обеду. И не один. С Марко.

– О, наш мальчик приехал в Италию!

– Этот мальчик выше меня ростом и тяжелее килограммов на десять. Мальчик, хм... – хмыкнул Вито.

– Хорошо, что вы предупредили, синьор. Я сделаю его любимый торт с рикоттой и виноградом. И для вас, синьор Антонио, будет кусочек.

– О, Роза... Я уже облизываюсь, – подал голос Антон. Женщина была очень довольна.

– А вам что-нибудь приготовить особенное, Антонио? Может, какой десерт?

– Приготовь ему тирамису, – ответил ей Вито, смеясь, – побалуй гостя, – и спросил у Антона: – ты любишь тирамису?

– А можно не любить?

– Ха! Ты просто не знаешь, что это такое. Только после того, как ты попробуешь это лакомство от Розы, ты поймешь, мой друг, что такое – настоящее тирамису! Это нечто необыкновенное.

– Ой, синьор, это обычный десерт, – Роза покраснелась от похвалы.

– Если вас не затруднит, Роза, – деликатно добавил Антон, – я бы с удовольствием попробовал.

– Конечно, не затруднит. Это очень быстро готовится.

Домработница ушла на кухню, а Вито засобирался.

– А ты поедешь в Совану?

– Да. Я хотел поговорить с Симоной.

– Вот ее телефон, – Вито быстро набросал на салфетке номер, – ключи от машины на столике в прихожей.

– Спасибо. Я еще заскочу в Питильяно. Люблю этот городок. И... куплю колбасок у Альфредо.

– Антонио, ты не меняешься.

– Я меняюсь. Но вот вкусы мои с возрастом почти не меняются.

– Все, – Вито поставил чашку, – я побегу. Не скучай.

– Не волнуйся. И передай от меня привет твоей сестре.

Но Витторио, вероятно, не услышал последнюю фразу. Он убежал заниматься организацией тетушкиного юбилея. Сегодня у него будет трудный день.

Антон вышел на террасу, взял кофейник, тарелку с пахнущей выпечкой и, развалившись на мягком диване, не спеша попил кофе с итальянскими вкусностями, получая неимоверное наслаждение.

Вернулся в поместье Антон к вечеру.

Немного странно было ужинать в одиночестве в таком большом доме. Непривычно. Роза все разогрела и ушла домой (жила она неподалеку). Суп минестроне с фасолью, запеканка с курицей и кабачками... И как Вито удастся не толстеть? Как он умудряется держать себя в форме после Розиных изысков? И вино каждый день! Нет, Антон бы определенно растолстел, если бы питался каждый день такими вкусностями.

– Не забудьте, синьор Антонио, про десерт. Вы найдете его в холодильнике на нижней полочке, – напомнила Роза

перед уходом.

Антон не забыл. Покончив с горячим, он приступил к десерту. Тирамису Роза разложила по специальным вазочкам. В холодильнике вазочек стояло шесть. Опустошив одну, Антон не мог совладать с искушением и, ругая себя за отсутствие воли, поплелся на кухню за второй. И только после сытного ужина, двух съеденных десертов он, наконец, достал свой компьютер и занялся делом – вносил записи, фиксировал итоги второго дня пребывания в Италии.

После завтрака он сразу направился в Питильяно. Это фантастическое место. Побродив по городу и выпив кофе на Piazza Fortezza Orsini, Антон свернул на узкую улочку, ведущую к колбасному магазинчику. Альфредо – хозяин и кулинар, волшебник своего дела – изготовитель различных колбасных вкусностей – вспомнил его! И был рад увидеть вновь русского гостя. В магазинчике Антон немного задержался: выпил вина, чокнувшись бокалом с хозяином в знак дружбы и общности русских и итальянцев и, конечно, отведал аппетитных мясных ломтиков из дикого кабана, косули и гуся («*Provi queste salsicce! Ti piacerà. È deliziose!*»⁸). Затем закупил разных колбасок и поехал в Совану. Здесь он пробыл недолго. Просто прошелся по улочкам.

После посещения этих удивительных этрусских городков Антон отправился к месту, где была найдена гробница. Си-

⁸ ¹ Пожалуйста, попробуй эти колбаски! Тебе понравится. Это вкусно! (ит.).

мона ждала его к часу дня.

Вчера девушка не особенно привлекла его внимание. Все его мысли были заняты удивительной находкой. А сегодня, пообщавшись с Симоной и понаблюдав в течение трех часов за ее работой, он невольно ею залюбовался. Да, Вито незря обратил на нее внимание. Девушка была очаровательна: невысокая, с красивой фигурой, смуглая, черноволосая, с открытой улыбкой и лукавым взглядом темно-зеленых глаз. Симона привлекала своей живостью, непосредственностью и в то же время серьезностью, с которой она относилась к делу. Девушка, как показалось Антону, была равнодушна к его другу. «...Синьор Чезари сказал... ах, синьор Чезари хотел... да, синьор Витторио решил...» – щебетала она постоянно о замечательном синьоре Чезари, который был так добр к ней и студентам, поверил в них, оценил их увлеченность и преданность делу археологии и оплатил работы. Она постоянно говорила о Вито, и при этом глаза ее светились от счастья и губы расплывались в улыбке.

Мумифицированные останки, скелет, а также урну с прахом перевезли в лабораторию вчера вечером. Так что результаты анализов, вернее, первоначальные выводы должны быть готовы через неделю. Сегодня археологи занимались предметами, найденными в гробнице. Осторожно извлекали вазы, находившиеся в нишах коридора (таки да, это были греческие вазы, а не этрусские), и вещественные источники из самой погребальной камеры. Предметов было немного. Од-

нако каждый из них, даже небольшие черепки, представляли интерес для ученых. Все артефакты хорошо сохранились, и археологи радовались как дети, предвкушая работу по очистке каждой детали от тысячелетнего слоя пыли.

Симона, смущаясь и торжествуя одновременно, сообщила Антону, что находку назовут ее именем – Кавалли. Как правило, гробницы называют по имени археолога, обнаружившего его. Для ученого найти подобное захоронение – это редкостная удача, и девушка, конечно, была счастлива.

– Расскажите, мне, Симона, как вы нашли эту гробницу? – спросил Антон, когда у них выдался момент для уединения.

Они присели в тени деревьев на бурые туфовые валуны, которые в этом месте были повсюду. Археологи и рабочие находились чуть поодаль, у места найденного захоронения. Тосканский воздух опьянял, предстоящая работа над артефактами волновала, загадки гробницы будоражили воображение.

– О, синьор Тарасов...

– Называйте меня по имени. Просто Антонио. – Сказал Антон и расплылся в улыбке: нравилось ему его имя, произнесенное на итальянский манер.

– Хорошо. Вы правы, так проще. Синьор Витторио тоже просил называть его по имени, – она чуть смутилась, – но у меня пока не получается. Вы – другое дело.

Зазвонил ее телефон, она извинилась, отвернулась и что-то с чувством принялась объяснять звонившему. Симона

быстро и эмоционально говорила, Антон ничего не понял, да и не пытался понять. Он просто смотрел на девушку и любовался ею.

– Так вот, – повернулась она к нему, – мы обнаружили это захоронение случайно. И если бы не сухая ветка...

– Сухая ветка?

– Да, – она засмеялась. – Если бы я не наступила на сухую ветку, она не переломилась и не оцарапала бы мне ногу, а я бы не присела на камни, которые опирались на тот самый валун, мы бы ничего не нашли. Видите, сколько случайностей – сплошные «бы». Но я расскажу по порядку. Два года назад, когда я была студенткой последнего курса Сиенского университета, у нас вел лекции замечательный профессор Франческо Кавалли.

– Ваш родственник?

– Нет. Одинаковые фамилии – всего лишь совпадение. Научное сообщество его не очень любило, потому что он перестал писать «ученые» книжки. Только профессор Кристофани поддерживал его. Синьор Кавалли писал книги для всех. Не только для ученых. Популярным языком, с интригой и выдумкой. Но выдумывал он исключительно то, что могло иметь место на самом деле, однако не являлось историческим фактом. Его сюжеты – как маленькие тайны. Он таким образом возбуждал интерес итальянцев к собственной истории. Синьор Кавалли был замечательный выдумщик, писал с юмором и очень достоверно.

– Был? Вы говорите о нем в прошедшем времени?

– К сожалению, он недавно умер. Он был уже старенький, когда вел у нас лекции. Это благодаря ему я полюбила Этрурию, этрусков и решила посвятить жизнь изучению этой загадочной цивилизации. Мы часто выезжали в археологические парки Тосканы и Лацио; а в Читта дель Туфо работали совместно с археологами в качестве волонтеров, помогали проводить раскопки, отчищали предметы, участвовали в реставрации артефактов. Это совсем недалеко отсюда.

– Знаю. Я очень люблю это место. Конечно, парк не так известен, как некрополи Бандитачча или Монтероцци, но от этого он не менее значителен. Все, что вы рассказываете, Симона, очень интересно.

– Спасибо, – она продолжила, – я начала работать с синьором Кавалли над диссертацией. Он увидел, что я серьезно отношусь к делу и сказал однажды: «Милая Симона, хотели бы вы найти захоронение, которое потом назовут вашим именем?» Я ответила, что об этом мечтает каждый археолог. «Тогда, – он добавил с каким-то радостным возбуждением, – я вам подскажу, где надо искать». – «Но почему вы не делаете этого сами?» – «Я стар, на это нужны физические силы. А у меня есть только знания и... предчувствия». – «Мы станем вашими физическими силами, а вы только будете руководить и направлять наши действия». – «Старики должны уступать место молодым. И к тому же, моя дорогая, если захоронение, которое вы найдете (а может, это будет и

не одно в вашей карьере) назовут именем Кавалли, то в какой-то степени это будет относиться и ко мне». Потом он рассмеялся своей шутке, а я пообещала ему, что так и будет, и, если я найду этрусскую гробницу, буду считать, что это не только моя личная заслуга, а прежде всего – заслуга моего учителя. Я сообщу всему научному содружеству, что это была идея профессора Кавалли – искать захоронения именно в этих местах. Конечно, я так сделаю, Антонио. Как только на конференции будет заслушан отчет о результатах наших поисков, я обязательно об этом сообщу.

– Я не сомневаюсь, Симона.

– Это Франческо Кавалли приводил нас – студентов и аспирантов – в Читта дель Туфо и следил за нашей работой с археологами. Это он привел нас однажды и в этот лес, к этим туфовым камням и показал эти поросшие мхом скалы. Мы бродили по этим местам, и я все больше и больше убеждалась, что профессор прав: здесь можно найти следы этрусков.

– Значит, не было никакой случайности! Ветка, которая оцарапала вам ногу – знак от вашего учителя.

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен.

– Может, вы и правы... Как только мы обнаружили лаз, я подумала о синьоре Кавалли и мысленно поблагодарила его.

– Вот видите...

– А потом ребята отодвинули валун, и мы спустились в

захоронение. Сначала увидели в коридоре эти вазы и поняли, что дальше, в самой камере, находятся останки. Мы остановились в проеме и направили луч света в камеру. Вы не можете себе представить, какие эмоции я испытала, когда увидела скелет и, особенно, мумию девушки. Эти рыжие волосы! Я вам признаюсь, что у меня подкосились ноги от волнения. Мы не заходили в саму комнату, лишь сделали несколько фото прямо из проема и поднялись наверх. Сразу позвонили синьору Чезари. Прикрыли лаз и стали ждать. Хотя очень хотелось вновь спуститься, рассмотреть и... дотронуться... Да что я вам говорю? Вы, конечно, меня понимаете.

– И понимаю, и разделяю ваши эмоции, Симона.

– Витторио... – она смутилась от того, что назвала Вито по имени, тут же исправилась: – Синьор Чезари приехал через два часа, спустился со мной в гробницу, сделал видео на специальную камеру, еще несколько снимков и... сказал, что мы никому не должны сообщать о находке до приезда его друга антрополога из России – вас, Антонио. Он сказал... что... у вас есть чутье, что вы, в отличие от наших итальянских ученых, которые будут колдовать над ДНК и проводить спектральный и радиоуглеродный анализы, вы увидите эти останки по-другому. Он сказал, что вам может быть интересна сама картина произошедшего несколько тысячелетий назад.

Конечно, археологов, кроме исследований останков и

предметов быта, заинтересует, почему в этой гробнице находятся мужской скелет и женская мумия, почему есть еще урна с прахом и чьи останки могут быть в этой урне. Но над загадкой, почему у девушки нож в сердце, они не будут долго размышлять. Они придумают несколько объяснений и на этом успокоятся. А вы захотите понять именно это. Так объяснил синьор Чезари. Ее убили? Почему совершено преступление? А может, это этрусские Ромео и Джульетта? То есть вам должно быть интересно событие. Поэтому мы вас ждали. И мне тоже интересно это. И синьору Чезари. Это тайна, которая манит и требует разгадки. Я не спрашиваю, есть ли у вас какие-нибудь догадки. Хотя мне очень хочется спросить.

Антон любовался девушкой. Она с такой страстью рассказывала ему о находке! Несомненно, она станет настоящим ученым!

– Догадки есть. Но это все домыслы и предположения. Есть тайна. Я придумываю варианты отгадок. Это не совсем научный подход, согласитесь? – Антон говорил, казалось, серьезно, но глаза его смеялись. – Я сочиняю. Как ваш учитель.

– Я тоже об этом подумала, – Симона засмеялась, – значит, вы простой выдумщик?

– Нет, не простой, – Антон подхватил ее веселый тон, – я, конечно, выдумщик, но по совместительству еще и профессор. У меня, как-никак, есть труды по исторической и социальной антропологии. Есть труды на стыке нескольких наук.

И у меня написано много «умных» книжек.

Антон засмеялся – громко, открыто.

– Я не в этом смысле, – девушка смутилась, – я знаю, что вы ученый. Но синьор Чезари сказал, что вы – уникальный человек! И что у вас – чутье. Я не знаю, как это работает...

– Я тоже не знаю. Иногда это работает.

– А в этом конкретном случае? Вы что-нибудь... узнали... о девушке?

– Только то, что ее звали Ия, – шепотом ответил Симоне Антон, наклоняясь к ее уху, – но пока это тайна.

– Только-то? – тоже почему-то шепотом спросила она, широко раскрыв глаза от удивления и восхищения.

Симону позвали археологи. Она отмахнулась, ей хотелось продолжения. Но Антон тихо подтвердил:

– Только и всего.

– Но...

Он кивнул и прислонил палец к губам: тсс...

К ним подошел молодой стажер.

– Синьорина, профессору Грассо нужно уточнить некоторые детали. Пожалуйста, подойдите к археологам, – передал он просьбу старших коллег.

Симона, вероятно, хотела ответить, что подойдет к ним через несколько минут, но Антон сказал:

– Идите, идите, Симона. Вам предстоит еще много дел.

Мне достаточно информации на текущий момент.

– Это так захватывающе... Я не засну сегодня...

– Я вам обещаю, что все расскажу, когда... наступит время. Идите к коллегам, – тихо, но строго добавил он.

У него поменялся голос и взгляд. Симона посмотрела с удивлением. С синьором Антонио что-то происходило. «Он очень странный, этот русский», – подумала она и направилась к археологам, почувствовав, что лучше оставить его одного.

В этот момент на Антона снова накатило. И длилось это несколько секунд.

Сорокалетний мужчина, прекрасно сложенный, с длинными волосами, связанными сзади в пучок, в короткой рубашке из плотной, наподобие холста, ткани, облегающей фигуру, подпоясанный передником на уровне бедер, обутый в сандалии с переплетенными узкими ремешками, работал в саду.

За ним наблюдал юноша, коренастый и плотный, красивый брюнет с завитыми в мелкие кудри волосами, распущенными по плечам, пышными, розовыми, как у девушки, губами и цепким взглядом карих глаз. Он был богато одет: в длинный, с короткими рукавами, хитон из прозрачной ткани терракотового цвета, подол которого украшали цветные полосы. Несмотря на жару, он надел поверх хитона тебенну⁹ – вероятно, хотел произвести впечатление на окружающих роскошными одеждами. На ногах – мягкие

⁹ ¹ Плащ, широкое верхнее платье.

низкие башмаки с длинным заостренными носками, загнутыми вверх, и высоким задником. Юноша был хорош собой. И принадлежал к высшему сословию. Об этом можно было судить по одежде и по выправке – гордо поднятая голова, чуть надменный взгляд.

«И какая нужда заставляет Вея возиться в земле? – рассуждал он, – как не увижу, он все время чем-то занят. И где, интересно, Ия? Придется подойти и выяснить у него».

Юноша стал замечать, что Ия с некоторых пор стала его сторониться. И не просто сторониться, она стала прятаться от него – Луция! Это не нравилось ему, ох, как не нравилось. Они были знакомы с детства, росли вместе. Их отцы дружили, ходили в море, путешествовали в Элладу и Египет.

Мореплавание – занятие для сильных мужчин. Каждый мальчик расен, превращаясь в мужчину, ходил в море с отцом или старшим братом. Не все потом становились мореплавателями, но жизнь возле моря вырабатывала у обитателей общин Этрурии определенный способ существования и формировала взаимоотношения с жителями других государств. Купцы Эллады и Финикии приезжали в Этрурию и вели здесь свою торговлю. В этрусских портах останавливались суда многих стран. Торговля и мореплавание были выгодными занятиями.

Однако Луций не любил ходить в море. Год назад он, отец и старший брат отправились к берегам Эллады. Так было

принято – все мальчишки расены должны пройти испытание морем, прежде чем стать Мужчинами. В том походе к ним присоединился и Вей – отец Ия.

Когда они вернулись в родной порт, Ия стояла на берегу и встречала отца. И вот тогда-то он и увидел, какой прелестной стала девушка за время их отсутствия. Из смешной нескладной девчонки она превратилась в красавицу. Глаз не отвести!

Луций стал ухаживать за ней. И он не сомневался, что они пожениятся. Однако девушка была не то чтобы холодна с ним, а как-то далека. Он никак не мог разбудить ее чувства. Поцелуи не согревали ее, а на большие ласки она не соглашалась. С другими девушками у него случались гораздо более страстные отношения. И многие из них мечтали о счастье создать семью с Луцием. Но ему нужна была именно она – прекрасная расена. Ия.

Он ждал, что не сказал отцу о своих чувствах. И что не объявил ее родителям о своих намерениях связать свою жизнь с их дочерью. Надо было сделать это сразу же по приезду из Эллады! Чего он ждал?

На самом деле он знал, чего... Он хотел, чтобы девушка сама пришла к нему, заявила о своей любви. И тогда он смог бы повелевать ею. Нет-нет, он не собирался властвовать над ней, как господин над служанкой, но показать ей, кто главный в их паре, он считал важным. У женищин Этрурии слишком много власти, это правда. Поэтому мужчины

вправе иногда и намекнуть, что с их мнением также нужно считаться.

Но он не дождался... Наоборот, Ия совсем отдалилась. Теперь ему, а не ей, нужно просить благосклонности. Теперь она должна решать. Родители ее, конечно, согласятся. У Луция знатная семья, есть деньги. Скорее, это его отец будет не в восторге от этого союза, он присмотрел для Луция другую невесту. Побогаче. И мать ее очень влиятельная женщина в их общине. Но та девушка никак ему не нравилась.

– Вей, – вышел из укрытия Луций, – неужели тебе хочется работать в такую жару?

– Я люблю возиться в земле. Посмотри, какие чудные овощи я вырастил.

– У нас этим занимаются работники.

– А мне нравится самому выращивать овощи и фрукты, – он распрямился и, разглядев разодетого в праздничный хитон Луция, спросил с иронией: – Куда это ты собрался, мальчик? Не жарко тебе?

– Да, жарковато. Но я... мне надо увидеться с лукумоном
10 .

– Тогда да, лучше быть одетым в платье «для выхода», – Вей явно подшучивал над юношей.

– А где Ия? Я давно не видел твою дочь.

– Моя дочь? Она... наверное, вместе с Титом.

– С кем? – Луций задыхнулся от неожиданности.

– А ты разве не знаешь? Мы дали согласие на брак Ии и Тита.

– Да кто такой этот Тит? – выкрикнул юноша.

– Тот самый элин, с которым мы плыли на корабле из Эллады, ты что, забыл его?

Луций испугался. Как? Как такое могло произойти? Ия станет женой какого-то Тита, а не его, Луция? Да, он помнил этого парня. Ничего необычного в нем не было. Самый обыкновенный. Не то что он – Луций. Это ему говорили девушки, что он красив. Он желанен. Ему – Луцию. Однако она... Ия... Она, значит, предпочла Тита? Элина? Как такое могло произойти?

– Да что с тобой, мальчик? На тебе лица нет.

– Н-ничего, – он не мог вымолвить ни слова.

Обида, непонимание, унижение! Его чувства были унижены. Растоптаны!

Нет-нет, еще ничего не решено. Ему нужно срочно увидеть Ию. И сказать ей о своей любви. Она ведь не знает, что он – Луций – ее любит! Поэтому и собирается сыграть свадьбу с элином. А как только он ей скажет...

О, божественная расена, как он ее любит. Невозможно, чтобы он ее потерял...

И он ушел, не простившись с Веем.

«Странный парень», – подумал тот и снова погрузился в свои заботы.

Среда

Антон проснулся за десять минут до звонка будильника. И проснулся он в легкой панике. Ему снился странный сон. Во сне они с Вито гуляли по парку аттракционов. И приснится же такое!

Тарасов был равнодушен к такому виду развлечений, пару раз только и посещал подобные места по просьбе дочери. Три года назад они всей семьей побывали в парижском Диснейленде. Он сам на диснеевских «качелях» не катался, Марина с удовольствием испробовала всякие «нестрашные» аттракционы, а вот Лера каталась на всех возможных – страшных и нестрашных. Антон с беспокойством наблюдал, как его тринадцатилетняя дочь радостно неслась на «американских горках», которые французы почему-то называют русскими, как переворачивалась вниз головой, кричала от восторга и летела с невероятной скоростью, следуя «маршрутом» доктора Генри Уолтона, известного под именем Индианы Джонса. Нет, однозначно, аттракционы – это не его стихия.

И вдруг этот сон. К чему бы это?

Антон проснулся, но сон из головы не уходил, воспоминания были живы и явственны. Они с Вито гуляли по парку, смеялись, говорили о Симоне и Ие. Причем Ия в его сне была реальная. В парке Вито предложил другу покататься.

Антон оглянулся в поиске чего-нибудь «нестрашного». Из «нестрашного» была только детская карусель. И вот Вито, не дожидаясь Антона, взбирается на карусель с детскими лошадками и начинает медленно крутиться. Антону тоже хочется покататься, но у него ничего не получается. Не дается ему никак перепрыгнуть через заборчик, отделяющий аттракцион от прогуливающих в парке людей. Ему ничего не остается, как только наблюдать со стороны за мелькающим Вито, который раскручивается все быстрее и быстрее. Да это же настоящая центрифуга! Скорость ускоряется, и кабинка-лошадка, прикрепленная на металлическом плече, проносится со свистом перед лицом Антона в виде цветной точки. Антон видит испуганное лицо друга, который силится что-то сказать. До него доносятся только обрывки фраз: слу-чии... («что-то случилось», – догадывается он), стра... (страх? страшно?), бе-е-да... (беда!), те... те... (нет, невозможно разобрать). И еще это вращение сопровождается шум: шшух... шшух... Внезапно Антон понимает, что надо остановить вращение, иначе его друг просто потеряет сознание. Или, еще хуже, погибнет от перегрузок. Но как это сделать? Он лихорадочно раздумывает, как затормозить карусель?

Надо найти красную кнопку! Где-то должна быть красная кнопка, которая остановит центрифугу. Он бежит вокруг ограждения (шшух... шшух...), ищет ее и, слава Богу, находит! Вот она! Его рука тянется к этому красному пятну, нажимает... Шуу-ух... И Антон просыпается. Просыпается с

мыслью, что он успел. Успел нажать на эту чертову красную кнопку.

Минут десять он лежал в постели с открытыми глазами. Картинками его не удивишь, но вот сны ему снятся нечасто. Что бы это значило?

Антон запланировал после завтрака поехать в Сиену. Вчера вечером позвонил профессор Манчини и сообщил, что останками займутся две лаборатории: специальный университетский сектор молекулярной генетики, где он работает, и независимая палеогенетическая лаборатория. Это обычная практика верификации данных в подобных исследованиях. Специалисты университетской лаборатории заверили, что из останков, найденных в захоронении, без проблем удастся выделить ДНК, пригодную для анализа. В ближайшее время молекулы ДНК будут извлечены. Манчини говорил о новых методах экстракции ДНК, которые применяют итальянские ученые, о своем скептическом отношении к методу полимерно-цепной реакции из-за явления контаминации и интересовался методиками российских коллег.

Они вели разговор о научных исследованиях, о том, что находка синьорины Кавалли – невероятная удача, так как работать с таким материалом представляется не так часто (для проведения молекулярно-генетического анализа наиболее пригодными считаются зубы и длинные кости конечностей, которые в данном случае прекрасно сохранились и в

мумии, и в мужском скелете, и даже в останках, найденных в урне), о непрерывном совершенствовании методов выделения ДНК из останков возрастом в несколько тысяч лет, о процедуре аутентификации результатов исследований и реконструкции этногенетических процессов. В общем, они долго общались, употребляя термины, понятные только специалистам, и оба были возбуждены в предчувствии новых открытий.

И если для профессора Манчини, как и для многих его коллег, основным являлся анализ генетического состава останков и сопоставление молекулярно-генетических данных с археологическими и антропологическими характеристиками, а уже затем и их интерпретация, то для Антона Тарасова главный интерес представляло само наличие единичной могилы в пяти километрах от этрусских погребений (загадка!) с мумией девушки, мужским скелетом и урной с прахом (третьего?) человека, а также нож в груди рыжеволосой красавицы. То есть его чрезвычайно увлекала история, некое *событие*, произошедшее более двух с половиной тысяч лет назад.

Вито знал об этой особенности Антона – сопоставлять свои интуитивные догадки и результаты научных исследований в случаях обнаружения необычных артефактов. Он понимал, что Антон каким-то образом «видит» свои картинки и «сочиняет» свои истории, которые потом всегда (или почти всегда) подтверждаются научными данными. И он наде-

ялся, что разгадать загадку *этого* захоронения Антону вполне по силам.

Витторио самому хотелось бы разобраться, что же произошло недалеко от городка Сованы две с половиной тысячи лет назад!

Хитрюга Вито! Именно поэтому он и пригласил Антона. Конечно, итальянские ученые сообщат синьору Чезари о результатах молекулярно-генетических исследований найденных останков, возможно даже, что ученым будет доступен полный геном этих древних людей – «девушки» и «парня». В этом случае исследователи аналитически обработают и интерпретируют данные и расскажут об этих останках много интересно. Но они не смогут объяснить, что за история произошла с этими людьми и что за преступление было совершено. А Вито – криминального адвоката – этот факт чрезвычайно взбудоражил.

А уж как этот факт взволновал Антона!

Если Антон Тарасов не разгадает тайну, она замучает его, лишит покоя. Он будет все время думать об этой рыжеволосой этруске и этом эллинском парне, которые, как ему показалось, страстно любили друг друга.

Антон быстро позавтракал и отправился в Сиену. Он предупредил Розу, что не приедет обедать (до Сиены добираться не меньше двух часов, в лучшем случае домой он вернется часам к шести – к ужину), так что Вито и Марко могут

его не ждать и наслаждаться ее кулинарными изысками без него. В машине он слушал классическую музыку и старался не думать о своем странном сне.

В Сиенском университете он встретился с Манчини и другими учеными, успел переговорить с Симоной; девушка спешила, да и он был все время занят: общался с итальянскими коллегами. На несколько часов он полностью погрузился в науку. Университетская палеоантропологическая лекция, а также обмены мнениями о комплексных методиках исследований и традиционных подходах в реконструкции этногенеза, методах археологии, антропологии, молекулярной генетики отвлекли профессора Тарасова от мыслей о Витторио.

В два часа дня он все-таки позвонил другу. Гудки. Автоответчик сообщил, что абонент не может принять звонок. Наверное, они с сыном обедают. Он позвонил в поместье.

– Роза, это Антонио. Скажите, Витторио дома?

– Антонио, не понимаю, что случилось. Синьор Чезари не приехал на обед. И не позвонил.

Она еще что-то говорила о запеченной баранине, ризотто с виноградом, о дорогом мальчике Марко, которого не видела длительное время.

– Вы меня слышите, синьор Антонио?

– Что? – он нервно улыбнулся – о чем она? – да, конечно...

Роза, вы знаете адрес тети Витторио?

– Нет, точного адреса я не знаю. Это не так далеко от на-

шего дома. Километров тридцать. На границе Лацио и Тосканы. Можно посмотреть в записной книге. А что, вы собираетесь навестить их в доме синьоры?

– Не знаю. Может быть. Найдите адрес, я вам перезвоню.

Антон снова набрал номер мобильного телефона Вито. Гудки. Он зашел на кафедру Манчини, поблагодарил коллег за гостеприимство и откланялся. («Уже уходите? Мы могли бы пообедать вместе?» – «В другой раз, коллеги. Обязательно».) Садясь в машину, Антон снова позвонил другу, оставил сообщение: «Вито, пожалуйста, перезвони мне». Он не сказал, что волнуется (откуда взялось это волнение? Неужели из-за детской карусели с лошадками? Мало ли что может присниться... Сколько раз он убегал во сне от преследования! А сколько раз испытывал страх! И ничего потом не случилось! Почему же сейчас ему так тревожно?), не сказал, что проклятый сон не дает ему покоя. В дороге Антон еще раз позвонил. И снова никто не ответил. Ехать ли ему к тете? Но без приглашения приезжать как-то неприлично. Значит, надо успокоиться и подождать до вечера.

Или все-таки поехать? Он остановился на обочине. Позвонил в поместье.

– Антонио, я нашла адрес. Пишите, – домработница продиктовала по буквам сложное название городка.

– Роза, скажите, как зовут тетю Витторио? Я забыл спросить у него.

– Ее зовут Джулия.

– Спасибо.

Он решил все-таки отправиться по этому адресу. Перенастроил навигатор.

Вито перезвонил через пять минут. Антон нажал на зеленую кнопку сразу же.

– Вито, ты извини, я тебе перезвонил...

– Антонио, – глухо ответил он, – ты сейчас где?

– Я еду домой. Из Сиены. А ты где?

– Я еще... у Джулии. Ты мог бы приехать сюда?

– Конечно, Вито. А что случилось?

– Ты приезжай. Я все тебе расскажу потом. Адрес есть в памяти навигатора в машине. Это недалеко, тридцать километров всего от моего дома. Навигатор тебя выведет.

И он отключился.

Антон увеличил скорость. Машину начало заносить. «Спокойно, – подумал он, – пять минут роли не сыграют, не хватало еще в аварию попасть». Ехать приходилось по деревенским дорогам – извилистым, узким, с бесконечными подъемами, спусками и поворотами.

Он пытался унять волнение, наслаждаясь видами итальянских деревень, небольших церквушек, красных крыш, полей и растущих повсюду оливковых деревьев. Въехав на очередной холм, он на минутку остановился: поодаль в сто-

роне играл синим цветом водоем. Картина была завораживающая. Еще немного проехать и где-то здесь должен быть городок, в котором живет Джулия.

Ее proprietà¹¹ он увидел издалека. Догадался, что это ее владение. Не только потому, что дом ее возвышался над холмами (тетя Витторио осталась жить в родовом имении Бенсо ди Ревель; мама Вито переехала жить к мужу, в поместье Чезари, не менее внушительное и роскошное, кстати. Антон бывал там однажды, год назад), но и потому, что возле ограждения стояли две полицейские машины: легковой Фиат и фургон «Polizia Criminali».

Предчувствия не обманули его. Будь они неладны, эти его «способности»!

Он оставил машину около полицейского фургона и зашел на территорию владения. Пока шел по гравиевой дорожке к дому, вспотел. И от жары (сегодня на солнце плюс тридцать пять), и от напряжения.

Полицейский, прячущийся от палящих лучей в тени черешни, вынырнул из-под мутовчатых ветвей дерева, попросил у Антона документы и пошел в дом доложить о визите. Тарасов сначала полицейского не заметил – тот сливался с довольно светлой корой дерева, а спадающие висячие листья вместе с солнечными бликами делали человека, находившегося в тени, незаметным.

Полицейский зашел в дом, а Антон спрятался в тени пти-

^{11 1} Поместье, имение (ит.).

чьей вишни. «Prunus avium», – зачем-то проговорил он вслух латинское название черешни и уткнулся взглядом в нависший на стволе овальный мешочек янтарной камеди – естественной смолы, выделяемой при механическом повреждении коры или при заболевании дерева. Дерево было здорово, плоды уже собраны, только кое-где наверху просматривались сухие черно-красные черешенки. А вот ствол был зачем-то порезан в нескольких местах. Такое впечатление, что кто-то специально исполосовал кору острым предметом. От такой несправедливости дерево заплакало и, защищаясь от агрессии, выделило янтарную камедь – сладкую и густую смолу, заживляющую раны. «Кто ж тебя так?» – подумал Антон и провел рукой по стволу, поглаживая кору и вдыхая терпкий черешневый аромат.

Антон вспомнил, как в детстве, вместе с деревенскими мальчишками он собирал смолы с деревьев, пробовал их на вкус. А бабушка использовала камедь в приготовлении пищи и делала из нее разные эмульсии для натирания суставов. И зачем это вспомнилось? Он и сам не понимал.

Вышел полицейский и пригласил его в дом. Здесь было прохладно: толстые стены защищали дом от жары.

Квадратная прихожая, отделанная деревом, лестница посередине, две двери по бокам вели в большие помещения: очевидно, столовую и гостиную. В гостиной он увидел Витторио, беседующего с каким-то человеком. Мужчина был в обычной одежде, не в форме, но Антон догадался, что это

полицейский. Или карабинер. Или *investigatore*¹². В столовой находилось несколько человек: молодая женщина наливала кофе из кофейника, парень и девушка стояли у окна. Около них, расположившись на полу, играли дети. Остальных гостей не было видно, но их силуэты отражались в оконном стекле. На столе расставлены кофейные и чайные приборы.

Антон прошел в гостиную к Вито.

– Спасибо, что приехал, Антонио, – вымучено обратился к другу Вито и представил рядом стоящего человека: – Синьор Росси, старший инспектор судебной полиции.

Рукопожатие синьора Росси – высокого, хорошо сложенного мужчины – оказалось крепким, но, скорее, механическим, что говорило либо об отсутствии интереса к появившемуся другу синьора Чезари, либо о наличии усталости у инспектора. Наружность у него была замечательная: черные с проседью волосы, аккуратно уложенные назад, обнажали залысины на лбу, взгляд карих глаз острый, но вместе с тем чуть насмешливый, тонкие губы выражали весьма заметную ироничную полуулыбку. Лицо инспектора показалось Антону знакомо. Кого же он напоминает? Ах да, конечно! Итальянского актера Ремо Джероне в молодости. И, вероятно, Росси знал об этом сходстве с популярным актером и подчеркивал его.

Антон не знал, как отреагировать на приветствие. Вежливая форма предполагала ответ «*molto lieto*», что означа-

¹² 1 Следователь (ит.).

ло «очень рад знакомству», но обстановка не способствовала радостному выражению чувств. Он растерялся. В голове крутилась мысль, что фамилия Росси у итальянцев встречается очень часто.

Кажется, Вито уловил замешательство друга.

– Это мой друг из Москвы, Антонио Тарасов, – представил он Антона, – я говорил вам о нем, инспектор.

– Надеюсь, ваш друг поддержит вас в эту трудную минуту, – чуть наклонив голову в знак приветствия, произнес Росси и вновь обратился в Вито: – Пожалуй, все формальности соблюдены. Я думаю, гости могут расходиться. Никто не должен уезжать из страны. Да что я вам говорю? Вы и сами не хуже меня понимаете, насколько важно соблюдение всех формальностей. Держите меня в курсе, синьор Чезари, если обнаружите что-то заслуживающее внимания. Даже незначительные детали могут помочь следствию.

– Прошу вас, инспектор, дайте мне знать, когда появятся результаты криминалогической экспертизы.

– Обязательно вам сообщу. И еще раз напоминаю: никто из присутствовавших вчера в доме не должен уезжать из страны. Под вашу ответственность, *dottore*¹³ Чезари.

– Спасибо за доверие, – ответил Вито, – не волнуйтесь, все останутся в Италии до полного восстановления картины преступления. Какое все-таки жестокое и *странное* убийство...

«Crimine? Murder?» – повторил Антон итальянские слова,

¹³ 1 Доктор (одно из обращений к адвокату в Италии).

размышляя, правильно ли он их перевел, настолько неестественными показались ему произнесенные здесь, в этом большом и уютном старинном доме, подобные фразы. В доме произошло преступление? Если он не ошибается, то да, судебная полиция в Италии занимается уголовными расследованиями. А этот «Джероне», кажется, из судебной полиции...

Здесь кто-то умер? У-убит?

Вито пошел провожать инспектора. Тот еще что-то сказал гостям в столовой (Антон не прислушивался) и вышел из дома.

– Витторио, я не понимаю... – начал Антон, когда Вито вернулся в гостиную.

– Подожди, – остановил он, – я сейчас предупрежу всех, чтобы собрались в столовой. Сначала я тебе все расскажу, а потом... ты извини, Антонио, но я опять на тебя надеюсь. Вдруг у тебя получится... разглядеть... В общем, помоги мне.

– Да что произошло, Вито?

– Я сейчас вернусь.

Он ушел отдавать распоряжения работникам дома: гости ни в чем не должны нуждаться. Зашел в столовую, просил, чтобы никто не расходился («пожалуйста, еще совсем немного придется подождать») и вернулся к Антону.

– Друг мой, у нас случилась беда.

– Я понял, что произошло нечто очень серьезное.

– Мою тетю убили.

– Тетю? Убили?

– Да. Бедная Джулия.

– Это значит... То есть она умерла не своей смертью?

– Именно это я и хотел сказать.

– Я... я сочувствую тебе, Вито, – Антон растерялся, – даже не знаю, что в таких случаях принято говорить. Надеюсь, ты расскажешь мне подробности.

– Я за этим и позвал тебя. Можно было все рассказать дома, но я хотел, чтобы ты увидел гостей, которые присутствовали вчера вечером на празднике, и поговорил с ними. Прости, я нехорошо поступаю.

– Почему нехорошо, Вито?

– Потому что вместо отдыха, который я тебе обещал, я погружаю тебя в свои проблемы и беспардонно надеюсь воспользоваться твоими способностями.

– Вито, если я смогу помочь, я буду рад. Но ты ведь и сам прекрасный аналитик. Ты столько лет ведешь криминальные дела.

– Мне сложно. Я заинтересованное лицо. Я не могу видеть картину отстраненно. Потому что все, кто присутствовал здесь, – мои родственники. Или близкие люди. Кто-то из них может быть убийцей. Понимаешь?

– Да расскажи ты мне, наконец, что случилось!

– Вчера мы провели потрясающий вечер. Все было так хорошо. Мы все радовались, что собрались вместе. Пили, ели,

вспоминали, какими были в детстве, смотрели фильм, который Джулия смонтировала. Не сама, конечно, но руководила процессом монтажа. А сегодня утром она не вышла на завтрак. Моя кузина пошла за ней. В общем, тетя была мертва. И... если бы она просто умерла от инфаркта или еще от чего, это было бы грустно, конечно, но... Антонио, ее убили! Закололи ножом!

– Ничего себе... Кто мог совершить такой ужасный поступок?

– Вот именно: *кто*? Кто мог осмелиться?

– Подожди, ты хочешь сказать, что ее убил кто-то из своих? Из семьи?

– Я не хочу в это верить. Но в доме, кроме «своих», находились только преданные слуги – Гаспаро и Агата – муж и жена, живущие здесь не один десяток лет, да две девушки-официантки, которые остались переночевать (это было заранее согласовано), чтобы помочь приготовить завтрак и обслужить гостей. Все остальные – родственники. Еще в доме ночевали друзья Джулии – семейная пара. Они знакомы с детства, дружили всю жизнь.

– Ты уверен, что больше никого «чужого» не было?

– Возможно, кто-то забрался в дом, пока мы смотрели фильм. Но зачем? Зачем этому кому-то, если он был, убивать пожилую женщину?

– Что-то было украдено?

– Полицию тоже интересовало именно это. Думаешь,

убийство с целью ограбления? На первый взгляд ничего не пропало. На ней были бриллиантовые серьги, по карату в каждом ухе. Кольцо тоже осталось на пальце. Это перстень с уникальным розовым алмазом.

– Значит, убийцу украшения не интересовали?

– Выходит, нет.

– Но, Вито, возможно его интересовали другие ценности?

– Какие?

– Ценные бумаги, например.

– Нет, не думаю. Украсть и убить – это разные вещи. Такое впечатление, что это была демонстрация! Этим... действием преступник хотел что-то доказать! Это слишком вызывающе, Антонио.

– Демонстративное убийство?

– Мне так показалось.

– То есть мотива ты не видишь?

– Не вижу. Вот представь: кто-то планирует убийство. Что его должно волновать?

– Что?

– Мне кажется, он должен попытаться отвести от себя подозрение. Разве не так?

– И что?

– А то, Антонио. Убийца в этом случае обязательно украл бы серьги, кольцо, другие предметы. Чтобы все подумали, что это ограбление.

– Но убийца так не сделал. Значит, он не нуждался в день-

гах?

– Нет. Не поэтому. Убийца, наоборот, подчеркнул, что ограбление не являлось его целью. Мне кажется, убийца хотел что-то доказать. Но *что* и *кому* доказать? Кому-то из членов семьи?

– Вполне возможно. А как реагировали все остальные присутствующие? Ее дочери?

– Для всех это был шок. Орсина – это младшая дочь – до сих пор плачет. Софи поспокойнее. Но все равно они обе абсолютно подавлены. Поэтому именно я и занимаюсь организацией всех дел.

– А кто обнаружил Джулию?

– Орсина.

– Понятно... А как присутствующие восприняли эту трагедию?

– Отцу стало плохо. У него поднялось давление. Вызывали скорую помощь.

– Он что, в больнице?

– Нет. Лежит в спальне. Плачет.

– Плачет?

– Да. Говорит, что остался один. Луиджина в клинике, а Джулия покинула этот мир.

– Луиджина? Это кто?

– Это моя мама. Ее полное имя Луиджина, но все называют ее Джинной. Чтоб не путать. Папа – Луиджи, мама – Луиджина.

– А как реагировали ее дочери?

– Орсине сделали успокаивающий укол. Софи и ее сын с невесткой обошлись без истерик. Их, как и многих, потрясла не сама смерть, а именно убийство.

– Кстати, кто является наследником?

– Инспектор связался с нотариусом, завтра нам огласят завещание. На мой взгляд, здесь нет секрета. У Джулии остались две дочери. Они и наследуют все ее имущество. Возможно, она отписала какие-то суммы слугам, возможно, какие-то ценные подарки распределила между близкими людьми. Мне, я надеюсь, она завещала небольшую картину Модильяни.

– Подлинник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.